

Печенкин Сергей Владимирович

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: МОСКОВСКО-АЗИАТСКАЯ ПОДСИСТЕМА 20-40-Х ГГ. XX В.

Статья раскрывает содержание понятия "Московско-Азиатская подсистема 20-40-х гг. XX в." и ее место в системе международных отношений новейшего времени первой половины XX в. Автор выделяет новую подсистему международных отношений, противопоставляя ее Версальско-Европейской и Вашингтонско-Тихоокеанской подсистемам, подчеркивая самостоятельную роль Московско-Азиатской подсистемы в указанный период, включает внешнюю политику Советской России / СССР в единую систему международных отношений 20-40-х гг. XX в.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/7-2/31.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. II. С. 127-129. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

RETROSPECTIVE REVIEW OF RADIMICH'S PAGAN SYMBOLS

Irina Ivanovna Myachikova, Ph. D. in Philology
Department of General History
Peoples' Friendship University of Russia in Moscow
Myachikova@tut.by, irinamyachikova@mail.ru

The author conducts the retrospective comparison of the Eastern Slavic tribe radimichs' symbols with a number of peoples and archaeological cultures, which preceded them, determines the parallels between pagan symbols and the symbols of Volyn'tsevskaya, Praga-Korchak, Pen'kovskaya, Chernyakhovskaya and Przeworsk cultures, suggests the hypothesis about these cultures population's key influence on the origin of not only radimichs' symbolism, but also on radimichs' ethnogenesis, and emphasizes the contribution of Chernyakhovskaya culture population.

Key words and phrases: radimichs; pagan symbols; Chernyakhovskaya archaeological culture; Posozh'e.

УДК 93/94

Статья раскрывает содержание понятия «Московско-Азиатская подсистема 20-40-х гг. XX в.» и ее место в системе международных отношений новейшего времени первой половины XX в. Автор выделяет новую подсистему международных отношений, противопоставляя ее Версальско-Европейской и Вашингтонско-Тихоокеанской подсистемам, подчеркивая самостоятельную роль Московско-Азиатской подсистемы в указанный период, включает внешнюю политику Советской России / СССР в единую систему международных отношений 20-40-х гг. XX в.

Ключевые слова и фразы: международные отношения; Московско-Евразийская подсистема международных отношений; Московско-Азиатская подсистема 20-40-х гг. XX в.; европоцентризм; право наций на самоопределение; типология; системный подход; двусторонние договоры; Советская Россия; СССР.

Сергей Владимирович Печенкин, к.и.н., доцент
Кафедра зарубежной истории
Воронежский государственный педагогический университет
ya.svpechenkin@yandex.ru

**К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ
ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ:
МОСКОВСКО-АЗИАТСКАЯ ПОДСИСТЕМА 20-40-Х ГГ. XX В. ©**

В истории международных отношений одной из наиболее разработанных тем является история Версальско-Вашингтонской системы мирного урегулирования послевоенного устройства в 20-30-е гг. XX в. [5; 6; 8; 13].

Деятельность европейских государств на Парижской и Вашингтонской конференциях практически всегда оценивается как защита национальных интересов.

Важно отдельно сказать о юго-восточном, средиземноморском фланге Версальского порядка. Хотя формально географически зона Малой Азии, Ближнего Востока и азиатского побережья Эгейского моря не входила в Европу, международные отношения в этой части мира фактически регулировались версальскими и производными от них установлениями. Ключевыми документами этой сложной подсистемы выступали Версальский, Сен-Жерменский, Трианонский, Нейский, а также Севрский и Лозаннский договоры. Именно внутри образованной ими политико-правовой рамки в первую очередь развивались главные конфликты и противоречия межвоенного периода. Подсистема, основанная на Версальском порядке, была центральной подсистемой международных отношений 20-40-х годов.

Основанная на евроцентризме, история 20-40-х гг. XX в., на наш взгляд, довольно односторонне трактует историю международных отношений, отбрасывая многих акторов международного действия, в том числе евразийскую державу – СССР.

Авторы «Системной истории международных отношений» во введении определяют ключевое понятие данной книги – рассмотрение системы международных отношений как совокупности и системности международных отношений в их сложности и единстве [9, с. 9].

Несмотря на такое понимание истории международных отношений, авторы, на наш взгляд, в полной мере освещают события с точки зрения евроцентристской парадигмы. Это проявляется в предложенной типологии [Там же, с. 10-13], где нет анализа места и роли Московско-Евразийской подсистемы 20-40-х годов XX в. в рамках предложенного системного подхода к истории международных отношений.

Системность предполагает «показ логики, движущих сил важнейших событий мировой политики в их не всегда очевидной и часто не прямой взаимосвязи между собой», международные отношения представляются как «сложный, но единый организм, свойства которого в целом не исчерпываются суммой свойств, присущих каждой из его составляющих в отдельности» [Там же, с. 9].

Можно приветствовать появление данного издания, которое приводит в систематику международные отношения, но возникает проблема, заключающаяся в парадигме европоцентризма. С нашей точки зрения,

европоцентризм можно определить как парадигму или модель, в основе которой видение мировой истории сквозь европейскую историю и баланс сил. И эту парадигму в начале XXI века необходимо пересматривать [2, с. 159; 3, с. 17; 7, с. 14].

С таких позиций хотелось бы предложить для анализа событий новейшей истории такое понятие, как «Московско-Азиатская подсистема», в рамках понятия «триады евразийской системы – Версальско-Европейской, Вашингтонско-Тихоокеанской и Московско-Евразийской подсистем» 20-40-х гг. XX века, определить ее место и роль в рамках триады.

Что мы понимаем под «Московско-Азиатской подсистемой»? Это совокупность юридических, международно-правовых договоров и конвенций между Москвой и странами Ближнего, Среднего, Дальнего Востока, а также Центральной Азией. (Под термином «Центральная Азия» понимается территория Казахстана и среднеазиатских республик – Туркмении, Узбекистана, Таджикистана и Киргизии).

При определении объективного хода истории зачастую происходит отказ в увязывании событий мировой истории в единое целое. Создается впечатление, что все события российской истории пишутся с оглядкой на зарубежную историографию, и таким образом проблема «Место и роль Советской России / СССР в системе международных отношений» становится второстепенной для исследований по типологии и систематизации истории международных отношений.

С этой точки зрения цикл советско-азиатских договоров есть часть глобального процесса международных отношений, которые следует рассматривать не обособленно, а в общей совокупности всех подсистем 20-х – 40-х гг. XX века.

Эта подсистема в своих базовых основах отличается от существующей Венской и нарождающихся Версальско-Европейской и Вашингтонско-Тихоокеанской.

Сближение Москвы и азиатских государств в конце 10-х – начале 20-х гг. XX века проходило под знаком легитимизации провозглашенной Советской России, с одной стороны, и буржуазных революций в странах колониального Востока, представителям которых не менее важным было их признание международным сообществом, с другой стороны. Москва в это время формирует пояс дружественных себе государств.

Здесь, на наш взгляд, кроется парадоксальное сочетание новых принципов внешней политики со старыми, российско-имперскими, проводимыми в отношении стран Востока до 1917 года. И эту мысль русский философ Н. А. Бердяев всячески подчеркивал, говоря о сходстве мирозерцания между старой русской монархией и «новым русским коммунистическим государством» [1, с. 117-120].

Защита национальных интересов Советского государства строилась на совершенно новых принципах, отличных от предыдущих подсистем и формирующихся новых: признание справедливого и демократичного мира, мира без аннексий и контрибуций, открытых договоров (отмена тайной дипломатии), территориальной целостности государств [4, с. 136-138].

Это наглядно проявилось при формировании Московско-Азиатской подсистемы договоров, когда были подписаны соглашения и договоры о дружбе и добрососедстве с Афганистаном (апрель 1919 г., август 1926 г., июнь 1931 г.), Персией (февраль 1921 г., октябрь 1927 г.), Турцией (март 1921 г., декабрь 1925 г.), Монголией (ноябрь 1921 г.), Китаем (май 1924 г.) и Японией (январь 1925 г.) [9, с. 206-224; 10, с. 61-66].

Одновременно происходит создание двух доктринально-концептуальных принципов советской международной политики – «мирного сосуществования» и «пролетарского интернационализма».

При формировании этих принципов прослеживаются чисто прагматические цели и задачи внешней политики Советской России. С одной стороны, желание приблизить мировую пролетарскую социалистическую революцию и возглавить мировое рабочее движение, когда создается в 1919 году организация для подготовки этой революции – Коммунистический Интернационал, и тогда выдвигается принцип «пролетарского интернационализма». С другой стороны, осознание, особенно после Брестского мира, необходимости легитимизации Советской власти как таковой и признания ее ведущими мировыми державами и готовность идти на всевозможные уступки, вплоть до потери части территории страны. В этом случае выдвигается принцип «мирного сосуществования государств с различным политическим строем».

Для юридического оформления существования и признания Советской России в рамках международного права большевики начинают во внешней политике «демпинговать» (*термин автора – С. П.*). Под этим термином мы подразумеваем возможность и способность большевиков к огромным территориальным и экономическим потерям при сохранении политической самостоятельности. Ни одно из европейских государств не позволяло себе проводить такую политику, если только она не являлась итогом военного поражения. Это свидетельствует о совершенно новом подходе к международным отношениям и характеризует наличие еще одной подсистемы международных отношений.

С нашей точки зрения, Брестский мир и последующие события приводят В. И. Ленина (в первую очередь) и его окружение, в попытках любой ценой сохранить власть большевиков, к нарушению национальных интересов государства, которое заключалось как в территориальных потерях, так и в огромных экономических уступках.

Особенно характерны в этом отношении международные двусторонние договоры со странами Востока.

Летом 1919 года было опубликовано обращение Советского правительства к Китайской Республике с целью установления дружественных отношений. Интересным представляется последовательность обращения, так как, на наш взгляд, здесь на примере Китая мы имеем некий шаблон, посредством которого Москва пыталась создать не только пояс дружественных государств, но и превратить страны Востока в своего непосредственного союзника. В обращении, в частности, констатировались новые элементы принципа пролетарского интернационализма: «аннулирование всех специальных прав и привилегий, вырванных в свое время у Китая царским правительством... Советское правительство отказалось от всех завоеваний, которые сделало

царское правительство, отобрав от Китая Маньчжурию и другие области... Советское правительство отказывается от получения с Китая контрибуции за боксерское восстание 1900 года... Советское правительство уничтожает все особые привилегии, все фабрики русских купцов на китайской земле». И вслед за этим предлагалось: «Если китайский народ хочет стать, подобно русскому народу, свободным и избежать той участи, которую ему приготовили союзники в Версале с целью обратить его во вторую Корею или во вторую Индию, – пусть он поймет, что его единственный союзник и брат в борьбе за свободу есть русский рабочий и крестьянин и его Красная Армия» [11, с. 43-45].

В статье 6 советско-турецкого договора 1921 года Советское правительство так же легко отказывается от экономических выгод, приобретенных правительством Российской империи: «Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики заявляет, в частности, что оно считает Турцию свободной от всяких по отношению к нему денежных или иных обязательств, основанных на международных актах, ранее заключенных между Турцией и царским правительством» [12, с. 155-160].

Эта же линия прослеживается практически во всех вышеперечисленных советско-азиатских договорах, поэтому автор и выделяет в своей типологии азиатское направление в Московской евразийской подсистеме.

Вхождение в орбиту Московско-Азиатской подсистемы гарантировало азиатским государствам, по крайней мере, равноправные отношения, уважение их национальных интересов и дружеские, добрососедские отношения. Версальско-Европейская и Вашингтонско-Тихоокеанская подсистемы таких параметров взаимоотношений предложить никак не могли в силу иных принципов своей внешней политики, и в первую очередь наличия мандатной системы как основы взаимоотношений с азиатскими странами.

Таким образом, в основе Московско-Азиатской подсистемы международных отношений можно выделить ряд составляющих.

Во-первых, принцип «право наций на самоопределение» в отношении стран Востока (антизападная направленность).

Во-вторых, на основе принципа «пролетарского интернационализма» был сформирован пояс буферных, дружественных (или нейтральных) государств Азии по отношению к Советской России/СССР, закрепивших на основе двусторонних договоров новые принципы взаимоотношений.

В-третьих, эти принципы способствовали признанию за Москвой со стороны восточных государств права на проведение азиатской политики как сильного актора международных отношений в этом регионе.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. 187 с.
2. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М., 2006. 248 с.
3. Гаджиев К. С. Геополитика. М., 1997. 432 с.
4. Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. 548 с.
5. Европа в международных отношениях: 1917-1939. М., 1979. 189 с.
6. Европа между миром и войной. М., 1992. 224 с.
7. Иноземцев В. Л. К воссозданию вестфальской системы: хаос и порядок в международных отношениях (статья первая) // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 8. С. 11-18.
8. Клейменова Н. Е., Сидоров А. Ю. Версальско-Вашингтонская система: проблемы становления и развития: курс лекций по истории международных отношений: 1918-1939 гг. М., 1995. 147 с.
9. Системная история международных отношений: 1918-2000: в 4-х т. / под ред. А. Д. Богатурова. М., 2000. Т. 1. События: 1918-1945. 516 с.
10. Системная история международных отношений: 1918-2000: в 4-х т. / под ред. А. Д. Богатурова. М., 2000. Т. 2. Документы 1910-1940-х годов. 243 с.
11. Советско-китайские отношения: 1917-1957: сб. док. М., 1959. 467 с.
12. Советско-турецкий договор 1921 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами: действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1-го января 1924 года. М., 1924. Вып. 1. С. 155-160.
13. Чубарьян А. О. Европейская идея в истории. М., 1987. 352 с.

TO THE QUESTION OF INTERNATIONAL RELATIONS HISTORY TYPOLOGY AND SYSTEMATIZATION: MOSCOW-ASIAN SUBSYSTEM OF THE 20-40S OF THE XXTH CENTURY

Sergei Vladimirovich Pechenkin, Ph. D. in History, Associate Professor
*Department of Foreign History
Voronezh State Pedagogical University
ya.svpechenkin@yandex.ru*

The author reveals the content of the notion “Moscow-Asian subsystem of the 20-40s of the XXth century” and its place in the international relations of the recent times of the first half of the XXth century, considers the new subsystem of international relations contrasting it with Versailles-European and Washington-Pacific sub-systems, emphasizing the independent role of Moscow-Asian subsystem during the specified period includes the foreign policy of Soviet Russia / USSR into the single system of the international relations of the 20-40s of the XXth century.

Key words and phrases: international relations; Moscow-Eurasian subsystem of international relations; Moscow-Asian subsystem of the 20-40s of the XXth century; Europocentrism; right of nations to self-determination; typology; systematic approach; bilateral agreements; Soviet Russia; USSR.